

"Картезианский триализм" Дж. Коттингама в свете современной философии сознания

Девятко Иван Владимирович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории зарубежной философии, Москва, Россия

E-mail: barbelognostic@gmail.com

Картезианский дуализм сознания-тела крайне не привлекателен для современных философов. У него есть проблемные аспекты. Говорят о двух: проблема ментальной каузальности и проблема неприменимости стандартов научного знания к изучению сознания (в связи с его приватностью) [4]. Эти проблемы следуют из того, что картезианский дуализм понимается как вид субстанциального дуализма, то есть утверждения о существовании двух независимых друг от друга субстанций — физической и ментальной — которые составляют Вселенную. При этом под субстанцией понимается «та вещь, коя существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи» [1, с. 333]. По поводу, обоих приведённых аспектов существует философская дискуссия, в рамках которой возникают аргументы и в пользу решения проблемы онтологического дуализма (например, [6] или [8]) так и проблемы ментальной каузальности (например, [7]).

Однако картезианский дуализм как субстанциальный дуализм, порождает две дополнительные — и более общие — проблемы, которые делают невозможным взгляд на эту теорию, как на привлекательную для решения проблемы сознания-тела.

(1) Картезианский дуализм требует согласия с утверждением, что ментальные состояния «для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи» [1, С. 269].

(2) Из картезианского дуализма следует, что любой атрибут, который мы находим во Вселенной может быть определён либо как физический, либо как ментальный.

Проблема (1) сталкивается с достижениями в области нейронаук, которые показывают, что крайне маловероятно, что ментальные состояния действительно не зависят ни от какой материальной вещи (имеется ввиду мозг). Проблема (2) ставит философов перед невозможным выбором, когда речь идёт о таких явлениях как ощущения, в которых психологический и феноменальный аспекты оказываются запутанными [3, с. 41].

Здесь видно три варианта дальнейшего развития позиции Декарта. Либо показать на отсутствие перспектив у этой теории; либо показать, что картезианский дуализм не является субстанциальным, а носит другой характер (дуализм свойств, дуализм предикатов); либо, наконец, показать, что это вовсе не дуализм. Все три варианта могут быть представлены в виде попыток доказать, что сам Декарт придерживался иной позиции, чем выражена в «официальной версии» его дуализма, или же в форме предложений по модификации теории с учётом современных достижений.

В 1985 году Джон Коттингам (род. 1943) опубликовал статью «Картезианский триализм» [5], где предложил анализ позиции Декарта как триалистической. Причём, Коттингам,

не настаивая на том, что Декарт на самом деле не был дуалистом, всё-таки находит доказательства в пользу того, что тот мог сомневаться насчёт полноты «официального изложения». В основном доказательства сосредоточены на фрагментах письма королеве Елизавете, но не только на них. С другой стороны, Коттингам наметил, что в случае дальнейшего развития теории в этом направлении, в ней могут быть найдены неисчерпанные возможности для современной философии сознания.

Первое на что указывает Коттингам — обособление пары «воображение и чувства» во «Втором размышлении»: «Итак, что же я есмь? Мыслящая вещь. А что это такое — вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желающее, не желающее, а также обладающее воображением и чувствами» [2, с. 24]. Обособление происходит при помощи латинской частицы «*quoque*» (также), которая создаёт разрыв между первыми шестью компонентами списка и двумя последними. Из этого следует, что глаголы «*sentire*» (чувствовать) и «*imaginare*» (воображать) используются Декартом только в узком смысле: то что субъект несомненно осознаёт, даже если не существует никаких внешних объектах. Это проясняется в «Первоначалах философии» (первая часть, параграф 9), где Декарт говорит, что если мы возьмём чувственный акт, такой как визуальное восприятие, и применим его не к телу, а лишь к осознанию или к предположению о том, что мы видим, то это будет нечто относящееся лишь к мышлению [1, с. 316].

В «Шестом размышлении» из «Беседы с Бурманом» Декарт делает уточнение, в котором сообщается, что и чувства, и воображения связаны с запечатлением образа в «мозговой железе». В случае с чувствами запечатление делает внешний предмет, а с воображением — сам ум [2, с. 467]. Это уточнение показывает, что «обособленность» воображения и чувств объясняется тем, что их реализация требует физиологической активности. Причём, очевидно, что для зрения и слуха нам нужны глаза и уши; это аналитическая истина. Но под физиологическими процессами Декарт имеет ввиду активность мозга — движения в шишковидной железе. Нечто заставило Декарта думать, что сенсорный опыт и воображение связаны с деятельностью мозга.

Далее Коттингам показывает, что из этого анализа картезианского описания воображения и чувств следует, что они не являются для Декарта напрямую «ментальными». Так как (I) их осуществление требует активности в мозге; (II) их характерная феноменология предполагает, что они принадлежат нам не как чистым разумам, а как телесным существам. В результате получается, что в значительном смысле эти способности не могут быть должным образом вписаны в «официальную» дуалистическую схему Декарта. Их нелегко отнести ни к *res cogitans* ни к *res extensa*.

Коттингам находит ответ в письме Декарта к Елизавете от 28-го июня 1643 года, где он говорит о «трёх родах понятий»: протяжённости; мышлению; и, наконец, о понятии «единства» разума и тела [2, с. 492]. Триалистический подход, который появляется в переписке с Елизаветой, не является единичной аномалией, а часто воспроизводится вновь, когда Декарту приходится сталкиваться с феноменом чувственного опыта. В «Ответе на шестые возражения» Декарт даёт расширенное описание способности чувственного восприятия, и он производит анализ с точки зрения не двух, а трёх «степеней» сенсорной реакции (*tres gradus in sensu*) [2, с. 318]. В чём же здесь дело, и почему предлагается эта любопытная троичная схема вместо (как можно было бы ожидать) простого дуализма?

Ответ понятен, дуализм приводит к слишком большому числу контринтуитивных выво-

дов. Например, к осмыслению животных как механизмов. Введение третьей категории — *res sentiens* — позволяет получить гораздо более полную картину. Понимание этого триалистического различия, которое Декарт сформулировал — или почти сформулировал — кажется новой возможностью на пути к истинному пониманию нашей природы [5].

Источники и литература

- 1) Декарт, Р. Сочинения в 2 т. / пер. с лат. и фр. С.Ф. Васильева, М.А. Гарнцева, Н.Н. Сретенского, С.Я. Шейнман-Топштейн. Москва: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
- 2) Декарт, Р. Сочинения в 2 т. / пер. с лат. и фр. С.Ф. Васильева, М.А. Гарнцева, Н.Н. Сретенского, С.Я. Шейнман-Топштейн. Москва: Мысль, 1994. Т. 2. 633 с.
- 3) Чалмерс, Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / пер. с англ. Москва: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2019. 512 с.
- 4) Cassam, Q. Contemporary Reactions to Descartes's Philosophy of Mind // Broughton, J. and Carriero, J. (eds) A Companion to Descartes. Oxford: Blackwell Publishing. 2008. p. 482–495.
- 5) Cottingham, J. Cartesian Trialism // Mind. New Series. 1985, Vol. 94, № 374. p. 218–230.
- 6) Nida-Rümelin, M. An Argument from Transtemporal Identity for Subject–Body Dualism // Koons, R. C. And Bealer G. (eds) Oxford: Oxford University Press. 2010. p. 191–212.
- 7) Stapp, H. P. Quantum Theory of Mind // Lavazza, A. and Howard, R. (eds) New York and London: Routledge. 2014. p. 98–111.
- 8) Swinburne, R. What Makes Me Me? A Defense of Substance Dualism // Lavazza, A. and Howard, R. (eds) New York and London: Routledge. 2014. p. 139–153.